

Юлианна Шиллер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧУДО ¹⁸⁺ порочное
Твое ВИЩЕ

Юлианна Шиллер

Твоё порочное чудовище

<https://litres.ru/74446397>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я думала, что ночь на той вечеринке в Лос-Анджелесе будет обычным выступлением. Станцую, получу гонорар, вернусь в свою безопасную, пустую квартиру.

Но когда в толпе я увидела его... Дамиана Вольского, миллионера-мажора, которого когда-то любила больше жизни... поняла: мой идеально выстроенный побег рухнул.

Он узнал меня. Несмотря на новый цвет волос, на пять лет, что я провела в бегах, на то, что я стала Ив Стоун... чужим человеком в чужой стране.

И он сделал то, чего я боялась больше всего. Похитил меня. Запер в своей роскошной золотой клетке в горах, где некому услышать мои крики. Где он может делать со мной всё, что захочет.

Он жаждет мести за то, что я ушла пять лет назад, не объяснив причин. За то, что превратила его в порочное чудовище.

Но он не знает правды... а я не могу ему её раскрыть...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юлианна Шиллер

Твоё порочное чудовище

Глава 1

АДА

Музыка вливается в вены, заменяя кровь электричеством. Каждый удар баса отдается в груди, каждый стон саксофона заставляет бедра качнуться в такт. Софиты ослепляют, превращая богатый зал в черную бархатную бездну, усыпанную искрами. Отражения бриллиантов, отблески бокалов, хищные огоньки в глазах тех, кто сидит в первых рядах. Они могут купить всё. Время. Тела. Души.

Но не мою. Не снова.

Черный холодный и гладкий атлас костюма, как вторая кожа, обтягивает тело. Он скользит по ногам, обрисовывает изгиб ягодиц и оставляет спину обнаженной до самого крестца. Хореограф сказал, что я в нем похожа на ожившую тень. Он даже не представлял, насколько прав. Я — тень самой себя. Призрак девушки, которая когда-то верила в любовь.

Запах денег и власти висит в воздухе. Дорогой виски, терпкое вино, сладковатый дым сигар и тяжелые духи. Поворот. Прогиб. Тело движется само, отточенное годами тренировок, послушное и сильное.

Мой холодный и отстраненный взгляд скользит по лицам в первых рядах. Старая привычка выживальщика. Сканировать. Оценивать угрозу. Намечать пути отступления. Седовласый магнат с юной спутницей, которой годится в дедушки. Бизнес-леди в строгом костюме, чей голодный взгляд не предвещает ничего хорошего.

И он.

Сердце делает сбой, болезненный кувырок, и замирает на мгновение, которое растягивается в вечность.

Какая нелепая галлюцинация. Призрак прошлого, вызванный этим местом, этой атмосферой порока. Это не может быть он.

Ноги продолжают танец. Тело не останавливается, но внутри всё обрывается и летит в пропасть.

Дамиан.

В третьем ряду, чуть в стороне от центра, он сидит совершенно один, без свиты и женщины, прильнувшей к его плечу. Безупречно сшитый черный костюм облегает его фигуру, в руке зажат тяжелый бокал с виски, а ворот рубашки в тон расстегнут на две пуговицы, открывая смуглую кожу и жесткую линию ключиц.

Он изменился. Время заострило черты его лица, превратив в маску хищника. Скулы стали резче, линия подбородка жестче. В уголках глаз залегли тени, которых не было раньше. Пять лет назад в его взгляде пряталось солнце. Теперь там полярная ночь.

Его взгляд, минуя сцену, упирается в невидимую точку в пространстве, а пальцы сжимают бокал с такой силой, что хрупкое стекло, кажется, вот-вот рассыплется на тысячи осколков.

Музыка нарастает, ритм становится быстрее, яростнее. Мы перестраиваемся, и яркий луч софита бьет мне прямо в лицо, на секунду ослепляя.

Когда зрение проясняется, я сразу ловлю его взгляд, устремлённый прямо на меня, и кажется, что весь мир сужается до этой единственной пары глаз, в которых плещется нечто необъяснимое.

Карие глаза, некогда сиявшие теплотой меда, теперь потемнели, налившись тягучим багрянцем застывшей лавы. Их взгляд, прежде мягкий и согревающий, стал холодным и острым, словно лезвие скальпеля, которое будто бы намерено вскрыть меня, обнажить до самой сути. Его глаза медленно блуждают по мне, начиная с шеи, задерживаясь на ложбинке между грудей, очерчивая изгибы талии, скользя по бедрам, прежде чем снова устремиться к моему лицу, пронзая его безмолвным вызовом.

Он узнал.

Я замечаю, как его тело напрягается, челюсть сжимается, а зрачки, словно бездонные колодцы, разрастаются, поглощая всю радужку. Его губы едва заметно шевелятся, выпуская беззвучный выдох, в котором звучит мое имя.

Ада.

Внутри всё сжимается, словно невидимая рука обвивает горло ледяным обручем, лишая дыхания. Холодный блонд, скрывающий тёмные пряди, цветные линзы, прячущие настоящие глаза, и чужое имя, словно маска, накрывают меня, чтобы стереть прошлое. Пять лет чужбины, поглощённые бесконечным бегством, как безжалостный шторм, разбивающий осколки моей прежней жизни.

Но он все равно узнал.

Хореография поворачивает меня спиной к залу, даря мимолётное ощущение укрытия, словно невидимая завеса скрывает от посторонних глаз. Делаю глубокий вдох, позволяя воздуху наполнить лёгкие, и выдох, отпуская напряжение. Внутри звучит тихий, но твёрдый голос: ты больше не Ада, ты — Ив Стоун, твёрдая, как камень.

Чувствую его взгляд, как физическое прикосновение. Он жжет кожу между лопатками, спускается по позвоночнику, по каждому позвонку, к пояснице. К тому месту, где ткань заканчивается, уступая место обнаженной коже. Я почти ощущаю фантомное касание его пальцев.

Финальный аккорд. Я замираю в последней позе, не позволяя себе даже дрогнуть. Аплодисменты взрывают тишину, но я их не слышу.

Со сцены я схожу первой, уверенно направляясь к двери, каждый мой шаг приближает к желанной свободе. Ни разу не оборачиваюсь, оставляя за собой всё, что больше не имеет значения.

— Ты была огонь, детка! — Марго, наш координатор, хлопает меня по плечу. — Мистер Ренфро хочет познакомиться. — В другой раз, — бросаю через плечо, не сбавляя шага. Мне нужен воздух. Мне нужно бежать. Сейчас же.

Служебный коридор. Лязг посуды из кухни. Запах чеснока и жареного мяса. Охранник у двери провожает меня сальным взглядом.

Толкаю дверь в боковой сад, но она не поддается, заперта наглухо. Чёрт.

— Куда-то торопитесь, мисс? — голос охранника за спиной.

— Сумку в машине забыла.

— Все выходы через главный холл. Приказ мистера Ренфро.

Я не спорю. Нельзя привлекать внимание. Разворачиваюсь и иду обратно, пульс колотится у основания шеи. Черный ход. На кухне должен быть черный ход.

Каблуки гулко отбивают дробь по мраморному полу, эхом разливаясь по коридору, словно предательский зов, вырывающий меня из тени.

На кухне царит хаос: клубы пара, всплески голосов, суета, но никто даже не оборачивается в мою сторону. Взгляд цепляется за дверь в самом конце помещения. Мой единственный шанс на спасение.

Три шага. Два. Один.

— Здравствуй, Ада, — звучит низкий голос, с хрипотцой,

когда-то заставлявший бабочек кружить в моем животе, голос из моих снов.

Я не оборачиваюсь. Рука тянется к холодной металлической ручке.

— Вы ошиблись. Меня зовут Ив.

Тишина за спиной давит на уши.

А потом я чувствую его. Жар его тела за моей спиной, даже на расстоянии в несколько сантиметров. Мои соски твердеют под атласом. Проклятое, упрямое тело, которое помнит его лучше, чем я сама. Запах его парфюма. Дерево, кожа и горький дым. Низ живота сжимается в горячий комок.

— Ив Стоун, — его губы почти касаются моего уха, и я чувствую его горячее дыхание на коже. — Красивый псевдоним. Я почти поверил, но ты пахнешь дождем и упрямством. Точно так же, как пять лет назад.

Мои пальцы мертвой хваткой впиваются в ручку. Беги. Просто открой дверь и беги.

Его горячая и властная рука мягко накрывает мою, пальцы уверенно обвивают мои, заключая в плен, словно стальные оковы, а я оказываюсь зажатой между ледяной поверхностью двери и палящим жаром его тела.

— Не лги мне, — его голос падает до опасного шепота. — Больше никогда.

Оборачиваюсь слишком резко, и это мгновение становится роковой ошибкой. Его лицо оказывается опасно близко, так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже, а ка-

рие глаза, которые я безуспешно пыталась забыть все эти пять лет, словно магнитом притягивают мой взгляд, лишая меня воли что-либо предпринять.

Его тело почти вжимает меня в дверь. Я чувствую твердые мышцы его груди через тонкую ткань моей одежды, и если я вдохну глубже, мы соприкоснемся.

— Кажется, вы перепутали меня с кем-то, — мои слова звучат удивительно спокойно, но за этой обманчивой тишиной кроется обжигающая ярость, которая наполняет меня силой.

Лицо Дамиана остается бесстрастным, как застывшая маска, но в глубине его глаз пылает мрачное пламя, которое невозможно не заметить.

— Перепутал? — склоняет голову набок, изучая меня. — Волосы и глаза другого цвета. Ты даже двигаешься иначе, более жестко, но родинка на твоей левой ключице, в форме полумесяца... она на месте.

Внутри все холодеет.

— Я не...

— Я целовал ее тысячи раз, — его рука поднимается, и кончик указательного пальца касается того самого места на моей коже.

Огонь. От его прикосновения по коже пробегает дрожь. Раньше его пальцы здесь рисовали созвездия, обещали вечность. Теперь они чертят линию, за которой пропасть.

— Я помню ее вкус.

Лицо заливает краска.

— Это было давно, — голос срывается.

— Недостаточно давно, — его палец медленно и мучительно скользит от моей ключицы к яремной впадинке, словно намеренно продлевая это мгновение. Он замирает там, где под кожей бьется пульс — быстрый, рваный, безжалостно выдающий мои чувства. Я ощущаю, как он улавливает каждый удар, каждую дрожь, и эта близость обнажает меня до самой сути.

— Что тебе нужно? — пытаюсь отодвинуться, но он живая стена.

— Мне? — кривит губы, но глаза остаются холодными. — Мне нужно было объяснение. Пять лет назад. За два часа до того, как я собирался надеть кольцо на твой палец.

Я не могу вдохнуть. Предложение. Он ничего не знает. О боже, он ничего не знает.

— Люди расходятся, Дамиан. Так бывает.

— Люди разговаривают, Ада! — его голос становится жестче, громче. Его рука ложится мне на талию, ладонь обжигает сквозь тонкий атлас и большой палец начинает медленно поглаживать изгиб бедра. — А ты сбежала, как воровка. Испарилась. Будто тебя никогда и не было.

— Мне нечего было сказать.

— Нечего? — его голос низко рычит, вибрации проникают в кожу, а горячие, требовательные пальцы скользят по обнажённой полоске моей поясницы, оставляя за собой огнен-

ный след. — После всего, что было между нами? После всех ночей? Всех планов? Тебе было нечего сказать?!

В его глазах пылает не только ярость, но и такая глубокая, обнажающая душу боль, что от этого становится невыносимо жутко. Прости меня, Дамиан, но иначе я не могла.

— Отпусти меня.

— А то что?

— Я закричу.

Он смеется. Короткий, злой смешок. И наклоняется еще ближе, его губы касаются моего виска.

— Кричи, — шепчет он. — Половина охраны в этом доме работает на меня.

Сердце сжимает ледяной рукой.

— Что тебе нужно?

— Мне нужна правда, — он отстраняется, заглядывая мне в глаза. Его рука все еще на моей спине, большой палец рисует круги на коже, заставляя ее гореть. — Почему ты ушла?

Я не могу. Горло парализует спазмом. Слова застревают где-то в груди, смешанные с паникой и тошнотой. Вспомнить — значит умереть снова.

— Потому что я тебя не любила, — ложь вырывается сама собой. — Ты был просто... развлечением.

Черты его лица заостряются, и пальцы на моей спине замирают.

— Развлечением?

— Сын олигарха. Богатый, красивый. Какая девчонка из

провинции откажется от такой сказки? — заставляю себя презрительно улыбнуться. — Но сказки надоедают. Ты надоел.

В его глазах мелькает пугающий блеск. На долю секунды маска чудовища дает трещину, и я вижу под ней того самого парня, который читал мне стихи на крыше. Эта мимолетная боль страшнее любой ярости.

Но трещина затягивается и полярная ночь возвращается.

— Ты лжешь.

— Думай, что хочешь.

— Я знаю, что ты лжешь, — его рука поднимается к моему лицу. Я инстинктивно дергаюсь, ударяясь затылком о дверь, но он лишь проводит костяшками пальцев по моей щеке. Нежно. Почти ласково. Контраст с холодом в его глазах сводит сума.

А потом его ладонь сжимает мой подбородок, заставляя посмотреть на него. Большой палец грубо проводит по моей нижней губе.

— Твое тело тебя выдает, — говорит он тихо, его взгляд опускается к моей груди, где под атласом предательски напрыглись соски. — Оно помнит меня. И оно хочет меня. До сих пор.

Ужас, стыд и горячая, темная волна поднимается из глубины живота.

— Ты больной.

— Я стал таким, — он не отрицает. — В тот день, когда

ты исчезла.

Вольский наклоняется так близко, что я могу уловить терпкий запах виски на его дыхании. Я приоткрываю рот, собираясь возразить, но он не даёт мне времени на слова. Его рука молниеносно сжимает моё запястье, и прежде чем я успеваю осознать, что происходит, меня резко тянут за собой.

— Что ты делаешь?! Отпусти!

Я упираюсь каблуками в пол, но он даже не замечает. Держит так крепко, что я не могу пошевелиться.

Жесткий браслет впивается в мою кожу, и сквозь пелену ужаса я вижу их. Те самые часы. Подарок на нашу первую годовщину. Он их не снял. Все эти пять лет он их не снимал.

Что-то хрупкое внутри меня раскалывается, но я не могу остановиться, чтобы разобрать осколки.

— Помогите! — кричу, когда мы вылетаем в главный холл.

Гости оборачиваются. Женщина с бриллиантами смеется. Мужчина в белом костюме подмигивает. Никто не поможет.

Двери распахиваются, впуская холодный поток ночного воздуха, который обжигает кожу и обостряет все чувства. Я дергаюсь из его захвата, ногти яростно впиваются в его руку, оставляя на коже тонкие алые полосы.

Дамиан разворачивается ко мне. Одной рукой держит мое запястье. Другой обхватывает талию, прижимая к своему телу так тесно, что я чувствую каждый его мускул.

— Ты сядешь в машину сама, Ада, — шепчет он мне на ухо, его губы обжигают кожу. — Или я раздену тебя прямо здесь, на глазах у всех, и возьму то, что ты задолжала мне за эти годы. Выбирай.

Его глаза безжалостны. Передо мной не Дамиан. Передо мной чудовище, которое носит его лицо.

Сажусь в машину, и дверь с глухим стуком закрывает меня от внешнего мира. Он опускается на сиденье рядом, и его бедро тут же касается моего, а рука небрежно ложится на спинку кресла за моей головой, будто между нами никогда не было дистанции, которую я так отчаянно пытаюсь сохранить.

Машина плавно трогается с места, и огни особняка растворяются во тьме, оставляя за собой лишь отблески в зеркале. Его горячая и тяжелая ладонь ложится на мое бедро, словно невидимая метка, безмолвно утверждающая свою власть.

— Куда мы едем? — мой голос едва слышен.

Дамиан молчит. Большой палец начинает мучительно медленно вырисовывать круги на моей ноге, сквозь тонкую ткань. Надавливает чуть сильнее, заставляя мышцу напрячься под его прикосновением.

— Пожалуйста, Дамиан...

Его свободная рука поднимается к моим волосам. Он перебирает светлые пряди, чужого цвета, медленно, задумчиво.

— Даже этот цвет не может скрыть тебя, — шепчет он, наматывая прядь на палец. — Я бы узнал тебя даже в аду.

Он поворачивает голову. Его рука опускается к моему лицу, пальцы сжимают подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Ты заплатишь за все, Ада, — его голос тихий, почти нежный, и от этого по коже пробегает ледяная дрожь. — За каждую ночь, что я не спал. За каждый раз, когда я видел тебя в толпе. За то, что превратила меня в это.

Его губы слегка касаются моих. Едва ощутимо, словно пробный мазок кистью, который оставляет на коже нечто большее, чем прикосновение, обещая неизведанное.

— Я разберу тебя на части, — шепчет он мне в губы. — Медленно, чтобы посмотреть, где заканчивается твоя ложь и где начинаешься настоящая ты. И поверь мне... нам никто не помешает.

Ночь за окном поглощает последние огни города. Моя свобода, выстроенная на костях прошлого, рассыпается в прах. Я в клетке. С чудовищем, которое любила, но не смогла быть рядом...

Глава 2

ДАМИАН

Её запах заполняет салон машины, просачиваясь под кожу, ввинчиваясь прямо в мозг. Дождь и проклятое упрямство. Пять лет я пытался выжечь этот аромат из памяти дорогим виски, чужими податливыми телами, работой до кровавых мальчиков в глазах. Пять лет я просыпался посреди ночи в холодном поту, протягивая руку к пустой половине кровати, где должен был быть этот запах.

И вот она рядом, живая, настоящая, словно олицетворение того, что я столько лет видел лишь в своих самых мучительных кошмарах, где её образ был не более чем призрачным отблеском забытого счастья.

Моя рука покоится на её бедре, под пальцами ощущается тонкая, почти невесомая ткань сценического костюма, сквозь которую я чувствую, как напрягаются её мышцы. Лёгкая дрожь пробегает по её телу, едва уловимая, но для меня она громче крика, потому что я знаю каждую линию её силуэта, каждый изгиб, каждую тень. Она боится, и это чувство пронизывает её до самой глубины.

Хорошо.

Пусть боится. Пусть почувствует хоть каплю того ледяного ада, в котором я жил все эти годы, пока она строила из себя звезду на другом конце света.

Огни Лос-Анджелеса размазываются в цветные полосы за тонированным стеклом, превращаясь в психоделический коридор. Водитель знает маршрут и держит язык за зубами. Четыре часа до коттеджа в горах. Четыре часа в замкнутом пространстве с женщиной, которая вырвала мне сердце и сожрала его на ужин.

Ада сидит неподвижно, выпрямив спину, словно проглотила стальной стержень. Только пульс на её тонкой шее бьётся, как у пойманной птицы. Быстрый, рваный, панический.

— Ты можешь убрать руку, — её голос звучит ровно, но я слышу трещины в этом фальшивом спокойствии. Лед, под которым бурлит лава.

— Могу, — соглашаюсь лениво.

Но не убираю. Наоборот, сжимаю пальцы чуть сильнее, заявляя права. Большой палец начинает медленно выводить круги на внутренней стороне её бедра, чуть выше колена. Я чувствую, как она вздрагивает, как перехватывает дыхание. Это пьянит сильнее любого наркотика. Власть. Контроль. То, чего у меня не было пять лет назад.

— Это похищение, — цедит она сквозь зубы. — Уголовное преступление федерального уровня.

Я смеюсь. Звук выходит хриплым, ржавым, царапающим горло.

— Похищение? — поворачиваю голову, впиваясь взглядом в её профиль. — Нет, солнце. Я просто возвращаю долг.

Она наконец поворачивается. Цветные линзы скрывают её

настоящий цвет глаз, но взгляд тот же. Упрямый. Гордый. Когда-то этот взгляд заставлял меня хотеть положить к её ногам весь мир. Теперь он разжигает во мне желание поставить её на колени.

— Я тебе ничего не должна.

— Нет?

Делаю резкое движение. Моя свободная рука взлетает к её лицу, пальцы жестко обхватывают подбородок, фиксируя её голову. Она пытается дёрнуться, но я держу крепко. Наклоняюсь к ней, вторгаясь в личное пространство, нарушая все границы.

Втягиваю воздух носом у самой её челюсти.

— Ты пахнешь ложью, Ада, — шепчу, касаясь губами чувствительной кожи за её ухом. Она замирает, парализованная. — Дорогой, сладкой, приторной ложью, но если вдохнуть глубже... — провожу носом вниз по линии её шеи, чувствуя, как бешеный пульс бьётся прямо под моими губами. — Под всей этой мишурой ты пахнешь моей девочкой. Той, которая стонала подо мной так громко, что срывала голос.

— Не трогай меня! — она толкает меня в грудь, но с таким же успехом могла бы пытаться сдвинуть скалу.

Перехватываю её запястья одной рукой, прижимая их к её животу. Нависаю над ней, наслаждаясь тем, как расширяются её зрачки. Страх? Да. Но там есть что-то ещё. Тёмное, тягучее. Ответная реакция тела, которую она не может контролировать. Я вижу, как тяжелеет её дыхание, как налива-

ется краской грудь в вырезе этого блядского костюма.

Мой член твердеет мгновенно, болезненно упираясь в молнию брюк. Ненавижу её. Я хочу уничтожить её. Но ещё больше я хочу разорвать эту дешевую ткань и вбиться в неё прямо здесь, на заднем сиденье, чтобы стереть последние пять лет из нашей памяти.

— Помнишь, Ада? — мой голос падает до рычания. — Помнишь, как ты просила не останавливаться? Как твои ногти царапали мою спину?

— Заткнись! — выкрикивает она, и в её глазах блестит влага.

— Ты была такой отзывчивой и честной в постели. Кто бы мог подумать, что всё остальное — просто спектакль?

Резко отпускаю её, откидываясь на спинку сиденья. Мне нужно расстояние, иначе я сорвусь, а я не могу сорваться. Не сейчас.

Воспоминания, которые я держал за дверью, выбивают петли и накрывают меня с головой.

Ресторан «Белый лебедь». Пять лет назад. Сладкий, удушливый, похоронный запах белых роз. Приватный зал, мерцание свечей, отблески в бокалах с шампанским.

Кольцо в моем кармане весит тонну. Платина и бриллиант, чистый, как слеза. Я выбирал его три месяца.

Семь вечера. Она опаздывает. Это нормально, пробки в Москве беспощадны.

Восемь вечера. Телефон абонента выключен или находит-

ся вне зоны действия сети. Этот механический женский голос станет саундтреком моего личного апокалипсиса.

Девять вечера. Улыбки гостей становятся натянутыми. Игорь отводит взгляд. Кто-то нервно стучит вилкой по тарелке.

Десять вечера. Я понимаю, что это конец.

Унижение — это не горячее чувство. Это холодная, липкая слизь, которая заползает в вены. Я чувствую спиной их взгляды. Жалость и злорадство. «Бедный мальчик». «Сын олигарха и танцовщица, ну кто бы сомневался». «Поигралась и бросила».

Я выхожу оттуда мертвецом.

Отец ждёт дома. В его кабинете пахнет дорогим табаком и властью. Он даже не смотрит на меня, когда произносит приговор:

«Я предупреждал, Дамиан. Любовь — это валюта для бедных. У таких, как она, есть цена. Она получила свои отступные и исчезла. Смирись».

Я не верю. Я ищу её неделю, месяц, полгода. Нанимаю детективов. Поднимаю связи, но она стерла себя с лица земли. Взяла деньги и растворилась.

И тогда любовь превращается в черную дыру.

— О чём ты думаешь? — её голос вырывает меня из прошлого.

Моргаю, возвращаясь в реальность. Полумрак машины, шум дождя, её бедро под моей рукой.

— О цене, — отвечаю честно. — О том, сколько стоила твоя любовь. Отец не поскупился? Хватило на этот костюм и билет в Америку?

Ада вздрагивает так сильно, будто я ударил её по лицу. Резко поворачивается ко мне, и в полумраке я вижу, как с её лица сходит вся краска. Она становится бледной, как полотно.

— Твой... отец? — шепчет она срывающимся голосом.

— Не притворяйся, — сжимаю её колено до боли. — Он всё мне рассказал. Как ты пришла к нему, как торговалась, как продала меня.

Её реакция странная. Не злость, не стыд. Ужас. Животный ужас. Она сжимается в комок, прижимая руки к груди.

— Он... он сказал тебе это?

— А что ещё он мог сказать? Правду.

Она закрывает глаза и делает судорожный вдох.

— Ты идиот, Дамиан, — выдыхает она. В её голосе нет вызова, только бесконечная усталость и какая-то обреченность. — Ты слепой, самовлюбленный идиот.

Ярость вспыхивает во мне, как бензин от спички.

— Объясни! — рявкаю, и водитель за перегородкой чуть дергает рулем. — Объясни мне, если я идиот! Почему ты исчезла? Почему не отвечала? Почему сбежала, как крыса?

— Я не сбежала! — кричит в ответ. — Я выживала!

— Выживала? С деньгами моего отца? В Лос-Анджелесе? Бедная девочка.

Она смотрит на меня долгим, нечитаемым взглядом. Потом отворачивается к окну.

— Ты стал таким же, как он, — произносит она тихо. — Твой отец... Ты стал его копией. Чудовищем, которое думает, что владеет людьми.

Слова бьют под дых. Я хочу ударить кулаком в стену и заставить её замолчать. Потому что где-то глубоко внутри я знаю: она права. Я вижу отца в зеркале каждое утро.

— Тогда мы квиты, — бросаю зло. — Ты создала это чудовище. Теперь живи с ним.

Остаток пути проходит в густой и напряженной тишине, как перед грозой. Мы въезжаем в горы. Серпантин петляет, поднимая нас всё выше, в туман и холод. Мир остаётся внизу. Здесь, наверху, действуют только мои законы.

Машина тормозит у крыльца. Массивный, деревянный коттедж вырастает из темноты. Моя берлога, которых у меня много по миру. Моя тюрьма на ближайшее время, а теперь и её.

Выхожу первым, вдыхая ледяной горный воздух. Обхожу машину и распахиваю её дверь.

— На выход.

Ада медлит. Она смотрит на темный лес, на дом, на меня. Она оценивает шансы, но бежать некуда. Вокруг на километры ни души, только койоты и сосны.

Выходит, гордо вскинув подбородок. Даже в этом нелепом наряде, дрожащая от холода, она выглядит как королева в

изгнании.

Грубо и без церемоний хватаю её за локоть, таща к входу.

— Добро пожаловать домой, милая.

— Это не дом, — шипит она. — Это клетка.

— Называй как хочешь. Ключи у меня.

Мы вваливаемся в прихожую. Тепло, пахнет сухой древесиной и дымом. Я захлопываю тяжелую дубовую дверь и запираю её на два оборота.

Ада стоит в центре гостиной, обхватив себя руками, словно пытаюсь укрыться от невидимого холода, проникающего под кожу. Её взгляд беспокойно скользит по комнате, цепляясь за каждую деталь, будто надеясь отыскать спасительный выход, но окна, скрытые за ударопрочным стеклом, и массивные двери не оставляют ей ни малейшего шанса на побег.

— Где я буду спать? — спрашивает, не глядя на меня. — В подвале?

Медленно подхожу к ней. Она пытается отступить, но упирается спиной в каминную полку. Бежать некуда.

— Наверху, третья дверь справа.

Кивает и делает шаг к лестнице, пытаюсь проскользнуть мимо меня.

— Стоять, — мой голос останавливает её, как хлыст и она замирает.

Подхожу вплотную. Окидываю её взглядом с головы до ног. Этот черный атлас, вырез... Это костюм шлюхи, «Ив Стоун». Женщины, которая танцевала для других мужчин.

Ревность скручивает внутренности в тугой узел.

— Ты не войдешь в спальню в этом, — говорю тихо, но так, что у неё по коже бегут мурашки.

— Что?

— Сними это.

Её глаза округляются.

— Ты спятил? Я не буду раздеваться перед тобой.

— Ты будешь делать то, что я скажу, Ада, — делаю шаг, вдавливая её в камень камина своим телом. — Я не хочу видеть на тебе эту дешёвку. Не хочу видеть «Ив Стоун». Я хочу стереть её.

— Дамиан, нет...

Хватаю край её платья и ткань трещит. Она вскрикивает, пытаюсь оттолкнуть мои руки, но я перехватываю её запястья и прижимаю их к стене над её головой.

Мы прижаты друг к другу, наши тела соприкасаются так тесно, что я ощущаю, как её грудь ритмично вздымается в такт её учащённому дыханию, а жар её тела обжигает мою кожу, пробуждая во мне непреодолимое желание, которое словно пульсирует в моих венах, требуя выхода.

Я знаю, что могу поддаться этому порыву, подчинить её себе, но эта мысль кажется слишком примитивной и грубой, чтобы выразить всё, что сейчас происходит между нами.

Наклоняюсь к её уху, касаясь губами мочки.

— Я мог бы сорвать с тебя эту тряпку, — шепчу. — Мог бы разложить тебя здесь, на ковре, и взять то, что принадле-

жит мне. И ты бы позволила. Твое тело уже предало тебя, Ада. Я чувствую, как ты течешь.

Она всхлипывает, зажмурившись.

— Ты чудовище...

— Да, я чудовище, — резко отстраняюсь, отпуская её руки. Она чуть не падает, потеряв опору.

Срываю с себя пиджак, бросаю на кресло. Затем стягиваю через голову свою рубашку, оставаясь с голым торсом. Швыряю ей в лицо. Она ловит её рефлексивно. Ткань теплая, пахнет моим телом и одеколоном.

— Надень это, — приказываю. — Сними свои тряпки и надень мою одежду. Я хочу, чтобы на тебе был мой запах. Чтобы каждый раз, когда ты делаешь вдох, ты чувствовала меня.

Она стоит, сжимая мою рубашку в кулаках. В её взгляде видна смесь ненависти и чего-то еще. Смущения? Желания?

— А если не надену?

Улыбаюсь, и в этой улыбке нет ни капли доброты, лишь холодный отблеск ухмылки, словно в ней заключена вся горечь моего безразличия.

— Тогда я раздену тебя сам. И поверь, я буду очень медленным.

Мгновение тянется вечностью, наши взгляды сталкиваются, словно огонь и лёд. Наконец, она отводит глаза, поворачивается и, не выдержав напряжения, стремительно направляется к лестнице, едва не сбегая по ступеням.

Я не останавливаюсь внизу, а следую за ней, двигаясь уверенно, словно хищник, выследивший свою добычу. Шаг за шагом поднимаюсь по лестнице, прислушиваясь к отдалённому стуку её каблуков, который звучит как тревожное эхо в пустом доме.

Ада врывается в комнату, ту самую, что третья справа, и с силой пытается захлопнуть дверь. Но я успеваю вовремя, подставляю ногу, и, толкнув её рывком, заставляю дверь распахнуться снова, чуть не задев её в порыве.

Она отступает вглубь комнаты, к кровати.

— Переодевайся, — говорю, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. — Я подожду.

— Выйди!

— Нет, я хочу убедиться, что от «Ив Стоун» ничего не останется.

Она смотрит на меня с дикой ненавистью. Её пальцы дрожат, когда она тянется к краю платья на спине.

Я смотрю и жадно впитываю каждый сантиметр её кожи, который открывается моему взгляду. Родинка. Изгиб ключиц. Тень в ложбинке. Моё тело горит.

Когда она остается только в крошечных трусиках, прикрывая грудь руками, я с трудом сдерживаю себя, чтобы не броситься на неё. Ада быстро натягивает мою рубашку. Она велика ей, доходит до середины бедра, спадает с одного плеча.

В ней она выглядит маленькой. Хрупкой. И невыносимо,

больно моей.

— Доволен? — выплевывает она.

Молча берусь за ручку двери.

— Это только начало, Ада, — говорю, глядя ей прямо в глаза. — Ты думаешь, это тюрьма? Нет, это твоя исповедальня.

— Я ничего тебе не скажу.

— Скажешь, — выхожу в коридор. — Я вытащу из тебя каждый грех, каждую ложь. Я разберу тебя на части и соберу заново, если придется. Ты не выйдешь из этой комнаты, пока я не наиграюсь. Даже если нам придется сгнить здесь обоим.

Захлопываю дверь и поворачиваю ключ в замке. Громкий, металлический щелчок эхом разносится по коридору, ставя точку.

Моё лицо касается холодной поверхности двери, и я задерживаю дыхание, прислушиваясь к звукам за ней. Там царит гнетущая тишина, которую вдруг нарушает едва различимый сдавленный всхлип, словно отчаянный крик, задушенный в горле.

Закрываю глаза, слушая, как она плачет. И чувствую, как внутри меня что-то умирает и рождается заново.

Охота началась.

Глава 3

АДА

Сколько времени я провела в этой комнате? Час? Два? Вечность?

После ухода Дамиана меня накрывает. По-настоящему, некрасиво. Горло саднит от сдержанного крика, который так и не вырвался наружу. Ногти впиваются в ладони до красных полумесяцев, я пытаюсь переключить боль с душевной на физическую. Слёзы текут по щекам, впитываясь в ткань его рубашки, брошенной мне вместо испорченного платья.

Когда слёзы наконец перестают литься, заставляю себя подняться и осмотреться, сосредотачиваясь на каждом предмете вокруг, словно пытаюсь найти в этом холодном помещении хотя бы намёк на спасение, на путь к свободе.

Комната большая, обставленная со вкусом и деньгами. Широкая кровать с тёмным бельём, тумбочки из массива дуба, встроенный шкаф вдоль одной стены. Мягкий, дорогой ковёр под ногами. Никаких лишних украшений, никаких фотографий. Безликая роскошь.

Подхожу к окну и отдёргиваю плотные шторы. За стеклом тьма, лунный свет едва пробивается сквозь кроны деревьев. Горы, лес и ни одного огонька вдалеке. Пытаюсь открыть раму, но она не поддаётся. Толкаю сильнее, упираясь ладонями в холодное стекло. Бесполезно. Окно намеренно забло-

кировано.

Проверяю дверь ещё раз, хотя уже знаю результат. Заперта. Конечно.

Нахожу дверь в уборную. Небольшая, но чистая: унитаз, раковина, душевая кабина. Никаких окон. Никаких вентиляционных шахт, в которые можно пролезть. Зеркало над раковиной отражает моё лицо с опухшими глазами и спутанными волосами.

Умываюсь холодной водой. Пальцы дрожат.

Вернувшись в комнату, открываю шкаф. Пусто.

Забираюсь под одеяло и закрываю глаза.

Сон приходит урывками, рваными клочьями темноты. Я бегу по бесконечному коридору, а за мной гонится тень. Иногда это ОН, мёртвые глаза и шлейф дорогого одеколona. Иногда это Дамиан, его лицо искажено яростью и болью.

Меня выдёргивает из забытья стук в дверь.

Утренний свет заливает комнату сквозь не зашторенные окна. Я заснула, так и не задёрнув их обратно.

Ключ проворачивается в замке, и дверь распахивается.

Дамиан стоит в проёме, уже одетый в чёрные брюки и тёмную водолазку, обтягивающую его широкие плечи. Выглядит отдохнувшим, собранным. Опасным.

— Завтрак, — бросает коротко.

— Я не голодна.

Уголок его рта ползёт вверх в кривой ухмылке, лишённой тепла.

— Я не приглашаю тебя, Ада. Я приказываю, — делает шаг в комнату, и я инстинктивно натягиваю одеяло выше.

— Вставай. Или мне тебя нести?

Сжимаю челюсти так, что их сводит. Лучше упасть, чем снова ощутить его руки на себе. Поднимаюсь сама.

Он пропускает меня вперёд. Кожу между лопаток покалывает от его тяжёлого взгляда, пока я спускаюсь по лестнице. Босые ступни касаются холодного дерева, по икрам ползёт дрожь.

Столовая залита утренним солнцем, которое льётся сквозь панорамные окна. За ними простирается величественный горный пейзаж, сосны и скалы, синева неба. Красиво, но совершенно недостижимо.

Длинный дубовый стол накрыт для завтрака. Свежевыжатый сок в хрустальном графине. Фрукты, нарезанные с ресторанной точностью. Круассаны, яичница, бекон. От кофейника поднимается густой ароматный пар.

На столе стоит лишь один прибор: тарелка и чашка, аккуратно размещённые, словно ожидающие только одного гостя.

Дамиана.

Он обходит меня и опускается на стул во главе стола, небрежно откидываясь на спинку. Наливает себе кофе, делает медленный глоток, не сводя с меня глаз.

— Садись, — кивает на стул справа от себя.

Подхожу и опускаюсь на край, выпрямив спину и сложив

руки на коленях. Передо мной пустое место.

— Где моя тарелка?

Он кривит губы, намазывая круассан маслом.

— Твоя что?

— Тарелка. Приборы. Или ты хочешь, чтобы я смотрела как ты завтракаешь? Или собираешься заморить меня голодом?

Дамиан поднимает голову. В его глазах играет холодный свет.

— Зачем они тебе, Ада? Ты же простая девочка из провинции. Разве там не привыкли есть руками?

Щёки вспыхивают, и кожу обдаёт жаром.

— Что за бред ты несёшь?

Он встаёт, обходит стол и останавливается за моей спиной. Его руки опускаются на мои плечи, пальцы сжимаются чуть сильнее, чем нужно.

— Бред? — его дыхание касается моего уха. — Я говорю правду. Ты притворялась утончённой, образованной, равной мне, но под всей этой мишурой ты всегда была просто голодной девчонкой, которая хотела урвать кусок побольше. Ведь так?

Его рука скользит вниз, по моей, и хватает мою ладонь. Тянет её вперёд, к блюду с фруктами.

— Ешь, — приказывает он. — Руками, как привыкла.

Вырываю руку.

— Я не буду унижаться перед тобой.

Вольский смеётся, и этот звук царапает нервы.

— Унижаться? — обходит меня и наклоняется так, что наши лица оказываются на одном уровне. — Ты уже унизила себя, когда сбежала. Когда предала всё, что было между нами. Это лишь напоминание о том, кто ты на самом деле.

Его пальцы смыкаются на моём подбородке, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Знаешь, чего я хотел все эти пять лет?

Молчу, плотно стиснув губы.

— Посмотреть тебе в глаза и услышать слова отца из твоих уст. Услышать, что наши отношения были игрой. Что ты никогда меня не любила. Что всё это было ради денег, связей, чего угодно, кроме меня самого.

Его голос ломается на последних словах, и на мгновение в его взгляде мелькает настоящая, неподдельная боль, но он тут же берёт себя в руки, и его лицо снова застывает маской.

— Я искал тебя пять лет, Ада. Пять чёртовых лет. Не спал ночами, нанимал детективов, взломщиков, информаторов. Ты хорошо спряталась. Ив Стоун. Какое претенциозное имя.

— Если ты так хотел меня найти, зачем ждал встречи так долго?

— Ты думаешь, я не пытался найти тебя раньше? — он отстраняется, в его голосе звенит горечь. — Ты исчезла, как призрак. Ни следа, ни зацепки. Словно тебя никогда не существовало.

Дамиан возвращается к своему месту, берёт чашку кофе

и смотрит в окно.

— Я нашёл тебя случайно. Танцуешь для богачей, улыбаешься, живёшь своей новой жизнью.

Его пальцы стискивают чашку с такой силой, что суставы выступают белыми бугорками.

— И ни разу за пять лет ты не попыталась связаться со мной. Объяснить. Извиниться.

— Дамиан...

— Молчи, — обрывает он. — Я не закончил.

Он встаёт и снова подходит ко мне. Его большое, горячее и опасное тело нависает надо мной.

— Пять лет я задавал себе один вопрос. Почему? Почему ты это сделала? И знаешь, к какому выводу пришёл?

Качаю головой.

— Потому что ты никогда меня не любила. Я был для тебя билетом в другую жизнь. Сыном олигарха, с деньгами и связями, а когда тебе предложили вариант получше, ты исчезла.

— Неправда, — вырывается из меня.

— Тогда скажи мне правду! — его голос взрывается, эхом отражаясь от стен. — Объясни, почему ты сбежала! Почему не пришла в тот вечер! Почему бросила меня, как использованную вещь!

Горло сдавливают, словно чья-то рука душит изнутри. Слова застревают где-то в груди, придавленные пятью годами страха и стыда. ЕГО лицо всплывает в памяти, мёртвые глаза и шёпот: «Расскажешь кому-нибудь — уничтожу твою

семью. И тебя тоже».

— Я... — начинаю и замолкаю.

Дамиан резко разворачивает меня на стуле, так что я оказываюсь лицом к нему. Он наклоняется, упираясь руками в подлокотники, его лицо в сантиметрах от моего.

— Говори, — рычит он. — Скажи мне правду. Хоть один раз в жизни скажи мне правду.

Его глаза горят яростью и болью, и я отворачиваюсь, не в силах выдержать этот взгляд.

— Я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу!

Он отстраняется резко, будто я его обожгла. Отходит к окну, упираясь руками в подоконник. Несколько секунд стоит молча, глядя на горы.

— Ладно, — его голос становится тихим и угрожающим.

— Тогда мы сделаем по-другому.

Оборачивается и смотрит на меня так, что по позвоночнику ползёт ледяная дрожь.

— Раз ты не хочешь говорить, я заставлю тебя почувствовать. Всё, что чувствовал я, когда ты исчезла.

Он подходит к столу. Берёт графин с соком. Оранжевая жидкость плещется внутри.

В голове проносятся варианты. Бежать? Не успею. Увернуться? Стул мешает. Я поднимаюсь, но он уже замахивается.

— Дамиан, что ты...

Графин опрокидывается над моей головой.

Холодная волна обрушивается на макушку, заливая волосы, лицо, плечи. Сок стекает по шее, впитывается в рубашку, которая мгновенно прилипает к телу. Липкая, ледяная, противная жидкость.

Вскакиваю, задыхаясь от шока.

— Ты больной!

— Вот так, — говорит он спокойно, отставляя пустой графин. — Именно так я себя чувствовал. Облитый твоей лужью. Униженный перед всеми, кого пригласил в тот вечер. Раздавленный.

Сок щиплет глаза. Стекает по подбородку, по ключицам, пропитывает ткань. Рубашка становится полупрозрачной, обрисовывая каждый изгиб груди. Мокрая ткань холодит соски, они твердеют, и это чувство отвратительно и странно интимно одновременно.

Его взгляд скользит по моему телу, останавливаясь на груди. Зрачки расширяются, поглощая радужку, превращая глаза в чёрные бездны.

— Ненавижу тебя, — выплёвываю.

Он делает шаг ко мне. И ещё один. Пока я не упираюсь спиной в стену.

Грудь сковывает страх. Стена за спиной. Мужчина впереди, большой, нависающий. Его тело блокирует выход. Дышать становится трудно. Весь мир сужается до запаха ЕГО

одеколону и ЕГО мёртвых глаз.

Нет. Нет, нет, нет.

Сердце бьётся так сильно, что в ушах звенит. Руки автоматически поднимаются, отталкивая его.

— Не подходи!

Но он не останавливается.

Его рука поднимается к моему лицу, и я дёргаюсь, словно ожидая удара. Но вместо этого большой палец стирает каплю сока с моей щеки. Медленно. Почти нежно.

Поднимает руку, задерживая взгляд на капле, которая застыла на кончике его пальца, затем плавно подносит её к губам и с лёгким движением языка слизывает, не отрывая от меня пристального взгляда.

— Ненавидишь? — его голос тише, чем должен быть. — Хорошо. Ненависть я понимаю. Она честнее, чем твоя любовь.

Его тело прижимается к моему. Жар пробивает даже сквозь мокрую ткань. Его мышцы напряжены под одеждой, грудь часто вздымается.

Запах. Не ЕГО. Это Дамиан. Его мыло, его кожа, едва уловимый шлейф виски.

Это Дамиан. Не ОН. Дамиан.

Паника отступает, но оставляет после себя дрожь, пустоту и нечто ещё. Тёмный вихрь, что скручивается внизу живота, вопреки всему моему страху.

— Ты дьявольски хороша, когда злишься, — шепчет он,

его губы почти касаются моих. — Честная и настоящая.

Его рука скользит по моему боку, по изгибу талии, останавливаясь на бедре. Пальцы сжимаются, притягивая меня ближе. Между нами почти не остаётся пространства. Я ощущаю каждый сантиметр его тела.

— Дамиан, нет...

— Я не прошу разрешения, — его дыхание обжигает мои губы. — Ты украла у меня пять лет. Пять лет боли, бессонницы, одержимости тобой. Теперь моя очередь забирать.

Но он не целует меня. Вместо этого отстраняется так резко, что я чуть не падаю без его опоры. Его лицо снова становится контролируемым.

— Иди наверх, — бросает, отворачиваясь. — Вымойся и переоденься. Одежда уже у тебя в шкафу.

Я стою, дрожа. Сок начинает высыхать, сахар стягивает кожу на шее, на груди. Липко и противно.

— Почему ты остановился?

Вольский оборачивается. В его глазах такая буря, что я замолкаю.

— Потому что когда я возьму тебя, Ада, это будет не просто секс. Ты будешь умолять. Ты признаешь, что всегда хотела только меня, — он делает паузу, его взгляд скользит по моему телу, останавливаясь на мокрой рубашке. — Наконец-то я вижу тебя настоящую. Грязную, липкую. И мою.

Подходит к двери и останавливается на пороге.

— А пока наслаждайся ожиданием. У нас впереди много

времени.

Дверь захлопывается за ним, оставляя меня одну в тишине, нарушаемой лишь глухим эхом его шагов. Я опускаюсь на пол, прижав колени к груди и обхватив себя руками, чувствуя, как липкий, холодный сок медленно стекает с моих волос, оставляя за собой ледяные дорожки.

Дамиан уверен, что сможет хладнокровно и методично сломать меня, будто я всего лишь хрупкая игрушка, которую легко разбить. Но он не учёл одну вещь.

Я уже сломана, а руины не ломаются дважды.

Глава 4

ДАМИАН

Прижимаюсь спиной к прохладной стене коридора. Пульс бьет в ребра тяжелым, неровным ритмом. Пальцы мелко подрагивают, и я с силой упираю ладони в штукатурку, чтобы остановить этот тремор.

Не страх. Это был не страх.

Я знаю вкус страха. Знаю запах испуга. Но в ее расширенных зрачках, когда я вдавил ее в стену, плескалась чернота. Животный ужас. Она смотрела не на меня. Взгляд расфокусировался, прошел сквозь мое лицо и уперся во что-то из ее прошлого.

Паническая атака.

Каждое утро, глядя в зеркало, я видел перед собой ту же картину, словно застывшее отражение.

Провожу ладонью по лицу, чувствуя, как кожа горит под пальцами. Шум воды в трубах доносится сверху, пока она смывает липкий сок вместе с моими прикосновениями. Кажется бы, я должен ощущать триумф победителя, ведь я загнал её в угол, но вместо этого внутри растёт странное, глухое беспокойство.

Ноги сами ведут на кухню, не из-за голода, а чтобы занять чем-то руки, иначе мебель рискует пострадать. Рывком открываю дверцу холодильника, и яркий свет больно режет

глаза, освещая полки, заваленные стейками, сырами и импортными фруктами.

Пальцы утопают в мягком бисквите, который крошится и оставляет сладкие, липкие следы крема. Жадно отправляю кусок в рот, ощущая на языке приторный вкус, от которого становится мерзко.

Глотаю, почти не жуя. Следом второй кусок.

Память швыряет меня на пять лет назад.

Московская квартира. Паркет завален коробками из-под пищи. Воздух спертый, тяжелый от запаха старого сыра и перегара. Я сижу на полу. Рядом полупустая бутылка виски.

Жру.

Желудок скручивает болью, мышцы живота сводит от напряжения, но я все равно продолжаю жадно утрамбовывать в себя кусок за куском. Жирное, соленое, сладкое, все, что попадает под руку, лишь бы заполнить пустоту внутри и заглушить невыносимый вой, раздающийся в голове.

Меня тошнит и я падаю спиной на ковер, смотрю в белый потолок.

Пустота внутри меня не исчезла, она разрослась, словно неутолимый голод, пожирающий меня изнутри.

Завтра я куплю первую дозу.

Встряхиваю головой. Вкус крема на языке вызывает тошноту. Выплюываю все в раковину. Ледяная вода из крана смывает остатки сладости, но горечь остается.

Пять лет саморазрушения. Я травил себя, выжигал вены и

мозги, использовал чужие тела как обезболивающее. Думал, что убиваю память о ней.

Идиот.

Ступени скрипят под ногами, и каждый шаг отдается гулким ударом в висках, словно эхом моего беспокойства. Останавливаюсь у ее двери, за которой воцарилась тишина. Звук воды стих, и теперь я знаю, что она там, одна, одетая в мою одежду, которую ей в комнату отнёс водитель, пока мы находились в столовой.

Внизу живота тяжелеет и разгорается горячий узел, пульсирующий с каждым вдохом. В памяти всплывает ощущение её тела, хранящееся в самых дальних уголках сознания, словно запретный плод, которого нельзя коснуться.

Я помню, как она отзывалась на мои прикосновения, как каждое движение отзывалось в её теле. Теперь же мысль о том, что скрывается под тканью одежды, доводит до безумия.

Зверь внутри меня неистово скребётся, раздирая грудную клетку, требуя выйти наружу, разбить преграды, сломать всё на своём пути. Он хочет её, хочет целиком и полностью, чтобы её крик, её голос, произносящий моё имя, разорвал тишину и заглушил все другие имена, которые могли звучать из её уст за все эти годы.

Пять долгих лет я искал утешение в других женщинах, но ни одна из них не смогла заглушить этот голод, оставляя после себя лишь блеклые тени, едва напоминающие её.

Но сегодня все изменилось, потому что в ее взгляде было что-то, что выбило меня из равновесия, заставив на мгновение забыть о цели.

Ада никогда не была жертвой. Она кусалась, царапалась, извила. Даже когда я затащил ее в машину, она смотрела с вызовом.

А там, у стены, она сломалась. Хрусталь треснул.

Кто это сделал? Кто превратил ее сталь в осколки?

Толкаю дверь в её спальню. Она у окна. Мои спортивные штаны висят на ее бедрах, подвернутые внизу. Футболка сползла с плеча. Тонкая шея, острая ключица. Мокрые волосы оставляют темные пятна на серой ткани.

Аромат бергамота и сандала наполняет воздух, проникая в каждую клетку, пробуждая острые ощущения. Она пахнет мной, носит мои вещи, и теперь выглядит так, словно целиком принадлежит мне, будто создана, чтобы быть частью моего мира.

Хочу подойти и втянуть этот запах прямо с ее кожи.

— Стучать не учили? — голос ровный, но я вижу, как напряглась ее спина.

— Мой дом. Мои правила.

Она не оборачивается.

— Вид красивый. Жаль, что тюрьма.

Захожу внутрь, закрывая дверь и отсекая нас от остального мира.

— Повернись.

— Зачем?

— Хочу видеть твои глаза, когда говорю.

Поворачивается медленно и неохотно, она выглядит почти так же, как пять лет назад: лицо без следа косметики, волосы ещё влажные после душа. Но её глаза... теперь в них застыл лед, перемешанный с осколками битого стекла.

— Насмотрелся? — она скрещивает руки на груди и ткань предательски натягивается.

— Нет, — делаю шаг вперед.

Ада стоит на месте, но жилка на шее начинает биться быстрее. Еще шаг. Метр между нами. Я чувствую тепло ее тела. Слышу, как изменилось ее дыхание.

— Что случилось внизу?

— Ты вел себя как ублюдок. Вот что случилось.

— Я не об этом, — сокращаю дистанцию до минимума, нависая над ней. Аде приходится задирать голову, чтобы посмотреть мне в лицо. Поднимаю руку и пальцы замирают в миллиметре от ее скулы. Воздух между нами густеет.

— Я прижал тебя, и ты увидела не меня. Ты увидела кого-то другого.

Ее зрачки сужаются.

— У тебя богатая фантазия, Вольский.

— Нет, Ада, — веду рукой вдоль линии ее шеи, не касаясь. Чувствую жар ее кожи. — Я знаю, как выглядит паника. Я живу с ней.

— Бедный мальчик, — пытается съязвить, но глаза выда-

ют её панику с потрохами. — Пожалеть тебя?

Она бьет по больному специально. Пытается вывести меня из себя.

— Кто тебя трогал?

Молчание. Она впивается ногтями в собственные предплечья.

— Ада.

— Не твое дело.

— Все, что касается тебя — мое дело.

Сухой, ломкий смешок.

— Ты похитил меня. Угрожал изнасиловать. Унижал, а теперь играешь в спасителя?

— Я никогда не угрожал изнасилованием.

— Да неужели? — голос становится жестким. — «Ты будешь умолять тебя взять»? Это что было? Флирт?

Скулы сводит от напряжения.

— Я никогда не возьму тебя силой. Никогда.

— С чего бы мне верить? — бросается вперед, наполняя каждое движение яростью, которая служит и щитом, и оружием одновременно. — Ты доказал, что для тебя нет законов. Почему здесь должно быть иначе?

— Потому что я не такой! — фраза вырывается из меня, словно пуля.

Ада долго и внимательно разглядывает меня, её взгляд, полный изучающего любопытства, будто пытается проникнуть в самую глубину моей души.

— Не такой?

Делаю шаг назад, стараясь восстановить контроль, и прячу дрожащие руки в карманы, чтобы они не выдали мою неуверенность.

— Ты говоришь, что не такой, но запер меня здесь. Раздел меня. Ты ведешь себя как чудовище, Дамиан.

Слово «чудовище» режет слух. Она права. Черт возьми, она права.

— Ты заслужила это.

— Заслужила? — голос срывается на крик. — Чем? Тем, что пыталась выжить? Тем, что не сдохла, когда ты решил заняться саморазрушением?

— Тем, что уничтожила меня!

Тишина обрушивается на комнату, тяжелая, как бетонная плита, и кажется, что даже воздух застыл в ожидании. Мы дышим тяжело, наши вздохи сливаются в один рваный ритм, а в её глазах дрожит предательская влага, хотя я знаю, что она не плакала даже в самые сложные жизненные моменты.

— Ты думаешь, тебя уничтожили? — страшный шепот. — Ты понятия не имеешь, что такое быть уничтоженным.

— Расскажи.

Ада медленно качает головой, отступая назад, пока её шаги не приводят к самому окну.

— Нет.

— Почему?

— Ты не вывезешь правду, Вольский. Она тебя раздавит.

Холодок ползет по затылку. Я снова иду на нее.

— Раздавит? — хриплю. — Посмотри на меня. Здесь нечего давить. Я и так руины.

В ее взгляде мелькает что-то похожее на жалость. И это бесит сильнее ненависти.

— Говори, — требую. — Что случилось? Почему ты сбегала? Почему ты боишься прикосновений? Почему в твоих глазах тот же ад, что и в моих?

Борисова закусывает губу почти до крови.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что тогда... — её плечи мягко опускаются, и она отворачивается, словно пытаюсь скрыть свои чувства от всего мира. — Тогда ты возненавидишь либо меня, либо себя. Либо нас обоих, потому что это ящик Пандоры, в который я не хочу лезть сама, а уж тем более кому-то показывать его содержимое!

Чертовы загадки.

— Ада...

— Уходи, — голос глухой. — Мне нужно побыть одной. Пожалуйста.

Я должен остаться, дожать, встряхнуть эту правду, но вместо этого разворачиваюсь и ухожу.

Может быть, из-за усталости в ее голосе. А может, я действительно боюсь того, что она скажет.

— Хорошо, — останавливаюсь в проеме. — Но этот раз-

говор не окончен.

— Он никогда не кончится, — шепчет она в стекло.

— Обед в час.

Ключ в кармане словно раскалённый уголь, но замок остаётся нетронутым. Выхожу и оставляю дверь открытой, позволяя ей гадать, ошибка это или проверка, хотя мне уже всё равно. Прислоняюсь к стене, чувствуя, как ноги словно подкашиваются, стирая остатки уверенности, которую я так старательно выдавал напоказ.

«Она тебя раздавит».

Какую тайну можно скрывать? И каким образом она касается меня? Где искать ответ, если я и так перерыл все её прошлое?

Глава 5

АДА

Обед и ужин Дамиан провёл молча. Не пытался уни-
зить, не пробовал прикоснуться. Просто молчал. Неужели он
изобрёл новый вид пытки?

Он снова не запер меня. Просто ушёл, оставив дверь в
мою комнату открытой. Проверка? Ловушка? Или он на-
столько самоуверен, что я никуда не денусь?

Его ошибка.

Три часа сорок семь минут.

Красные цифры на часах у кровати безжалостно мигают в
темноте, отсчитывая секунды моего плена. Я лежу без дви-
жения, превратившись в слух. Каждый звук дома кажется
враждебным. Скрип половиц где-то внизу. Завывание ветра
в сосновых лапах за окном. И оглушительная, давящая пу-
стота за дверью моей комнаты.

Он спит. Я уверена. Дверь в конце коридора щёлкнула час
назад, отрезав последнюю полоску света.

Вот он, мой шанс.

Одеяло сползает на пол бесшумной тенью. Ледяной воз-
дух тут же впивается в кожу, заставляя волосы на руках под-
няться. Я кутаюсь в чужую ткань. Его футболка. Огромная,
тёплая, пахнущая сандалом и той опасной, горькой нотой, от
которой у меня всегда подкашивались колени. Ткань липнет

к телу, будто Дамиан всё ещё обнимает меня. Душит.

Ненавижу.

Ненавижу этот запах. Ненавижу, как сладко ноет низ живота от одной мысли, что эта вещь касалась его голого торса. Моё тело помнит его прикосновения. Оно хочет сдаться.

Но я выбираю бежать.

Не потому, что боюсь его. Точнее, не только поэтому.

Его молчание за ужином. Тот долгий взгляд, когда он передавал мне хлеб. В нём мелькнуло что-то старое. Знакомое. Тень того Дамиана, который целовал мои пальцы и обещал, что мы уедем далеко-далеко.

И я почти открыла рот.

Я почти сказала: «Ты хочешь знать, почему я ушла? Правда хочешь?»

Слова дрожали на губах, готовые вырваться наружу, смешиваясь с горечью слез и застрявшей в горле желчью. Пять долгих лет молчания и пробуждений в холодном поту с ладонью, прижатой к губам. Отрава скрытой правды разъедала меня изнутри, пропитывая ядом каждый вдох.

А потом я перевела взгляд на его руки, крепко сжимающие вилку, и заметила, как напряглась его челюсть, а в глазах вновь мелькнула пугающая пустота.

Если он сейчас такой, то кем он станет, когда узнает?

Что сделает человек, способный похитить женщину и запереть её в горах, когда услышит, что его собственный отец...

Спазм сдавливает горло. Не могу произнести эти слова даже в мыслях. Нет. Я не готова. Не готова видеть, как искажится его лицо. Не готова к вопросам, которые он задаст. К подробностям, которые потребует. Не готова снова оказаться в том кабинете, вдыхать запах дорогого одеколона и слышать тихий смех Аристарха.

Я пять лет строила стены. Кирпич за кирпичом. Ив Стоун не плачет и не вспоминает. Она танцует, работает, выживает.

Один разговор с Дамианом разрушит всё.

Босые ступни опускаются на ледяной деревянный пол. Сердце бьётся о рёбра с такой силой, что его гул, кажется, сотрясает дом. Замираю, вслушиваясь. Ничего.

Первый шаг. Доска под ногой издаёт протяжный скрип. Я застываю, едва дыша, и считаю до десяти. До двадцати. Тишина.

Ещё шаг. И ещё. Дверь моей комнаты распахнута, словно насмешливая ухмылка. Коридор тонет в полумраке, лишь лунный свет из окна в дальнем конце прочерчивает на полу бледную дорожку.

Дверь его спальни закрыта. За ней ни звука. Он лежит там, всего в нескольких метрах. Раскинувшись на огромной кровати, тёмные волосы растрёпаны на подушке, грудь ровно вздымается под одеялом. Пять лет назад я засыпала, считая его вдохи, зарываясь носом в изгиб его шеи.

Тогда я верила, что он защитит меня от всего мира.

Теперь знаю, что защиты не существует.

Остановись. Не сейчас.

Прижимаясь спиной к противоположной стене, я крадусь мимо его двери. Каждый шаг даётся с трудом. Каждый вдох кажется рискованным. Лестница впереди. Пятнадцать ступеней до первого этажа. Пятнадцать шагов до свободы.

Первая ступень скрипит под моим весом. Звук оглушает, кажется неправдоподобно громким. Вцепляюсь в холодные перила, и внутри всё обрывается. Дом не отвечает, но его голос звучит в моей голове: «Почему ты ушла, Ада? Расскажи мне».

Никогда.

Спускаюсь дальше, переступая через третью, предательски скрипучую ступень. Каждое движение точно. Внизу холоднее. Прихожая разверзлась чёрным проёмом. Входная дверь оказывается массивным дубовым монстром с двумя тяжёлыми засовами.

Пальцы дрожат, когда я тяну за верхний край, и скрежет металла разлетается по воздуху, вибрацией отзываясь в костях. Замираю, прижимая ладони к шершавой поверхности дерева, и, задержав дыхание, считаю удары пульса, будто в этом счёте скрыт ответ на все мои страхи.

В ушах звенит от тишины.

Второй засов поддается легче, почти беззвучно. Дверь чуть приоткрывается. В щель врывается поток ледяного горного воздуха. Он обжигает лёгкие. Я вдыхаю его жадно, как первый глоток воды после вечности в пустыне.

Свобода от него, от его вопросов и от той правды, которую я не в состоянии произнести.

Выскальзываю наружу, прикрывая за собой дверь. Острый гравий на крыльце впиается в босые ступни. Чёрный внедорожник, привезший меня сюда, застыл на подъездной дорожке. Ключей нет. Да и рёв мотора стал бы сигналом к концу игры.

Нужно бежать в лес.

Срываюсь с места. Гравий сменяется мокрой от росы травой. Холод обжигает ступни, каждый камень и ветка под ногами причиняют острую боль, но я не останавливаюсь. Деревья смыкаются вокруг, поглощая меня. Лунный свет тонет в их кронах. Темнота сгущается, становится почти осязаемой.

Продираюсь сквозь колючие кусты, цепляясь за шершавые стволы.

Ветка хлещет по лицу, оставляя на щеке жгучую полосу, напоминая о том вокзале, о дрожащих руках, сжимающих билет в никуда, и о моем отчаянном стремлении не оглядываться, не думать о его глазах, наполненных болью и непониманием, когда он ждал меня в том ресторане.

Он ждал, а я пряталась в туалете вокзала.

Нет, нельзя вспоминать сейчас. Спотыкаюсь о корень, падаю на колени, чувствуя, как ладони погружаются во влажную землю, смешанную с прелой хвойной подстилкой. Боль пронизывает, возвращая ясность, и, стиснув зубы, поднимаюсь, не обращая внимания на саднящие царапины, и продол-

жаю бежать дальше.

Дорога где-то внизу, скрытая среди теней, полная машин и людей.

Лёгкие горят, в боку колет, но я не могу остановиться. Каждый шорох за спиной заставляет меня вздрагивать. Мне кажется, вот сейчас его рука схватит меня за плечо. Вот сейчас он скажет: «Я имею право знать».

И я сломаюсь. Расскажу всё. И тогда...

Тогда он либо не поверит, либо поверит. Я не вынесу ни того, ни другого.

Деревья начинают редеть. Впереди забрезжил серый про-свет. Дорога.

Выбегаю на асфальт и останавливаюсь, хватая ртом воз-дух. Пустая лента шоссе змеится вверх и вниз по склону. Ни одного огонька. Ни одной машины. Только я, ночь и горы.

Поворачиваю направо и перехожу на быстрый шаг. Босые ноги оставляют тёмные, влажные следы на сером асфальте. Холод пробирается под одежду. Я обхватываю себя руками, пытаюсь унять дрожь.

Как далеко до города? Десять километров? Двадцать? У меня нет телефона, нет обуви, нет ничего. Только чужая одежда и отчаянное желание выжить.

Как пять лет назад.

Только тогда я бежала от того, что случилось. Сейчас бегу от того, чтобы не рассказать об этом.

Сначала ступни улавливают низкую вибрацию, идущую

по асфальту. Потом доносится тихий, рокочущий гул. Он нарастает.

Два луча света вырывают из темноты позади меня длинные, искажённые тени.

Оборачиваюсь.

Чёрный внедорожник несётся по дороге. Его фары слепят. Внутри всё стягивает ледяным обручем. Ноги деревенеют, отказываясь подчиняться. Я не могу вздохнуть.

Он.

Машина замедляет ход и останавливается в паре метров от меня. Мотор низко и сыто рокочет. На мгновение всё замирает. Только моё сбивчивое дыхание и гул двигателя.

Пассажирская дверь открывается с тихим щелчком.

Сидящий в полумраке салона, Дамиан не выходит из машины. Его молчание, кажется, наполняет пространство напряжением. Когда он, наконец, нарушает тишину, его голос звучит так ровно и спокойно, что становится страшнее, чем самая яростная вспышка гнева.

— Садись, Ада. Ты простудишься.

Глава 6

АДА

Тепло салона ударяет в лицо, контрастируя с ледяным ветром, который секунду назад пронизывал насквозь. Дверь захлопывается, отрезая меня от ночи, от леса, от призрачной надежды на спасение.

Я сижу, вжимаясь в кожаное сиденье, и чувствую, как дрожь бьёт тело. Адреналин от побега теперь, когда бежать некуда, превращается в ядовитый страх.

Дамиан не смотрит на меня. Его профиль в тусклом свете приборной панели кажется высеченным из камня. Ни единой эмоции. Ни ярости, ни торжества. Только спокойствие хищника, который точно знал, что добыча не уйдёт далеко.

Он плавно разворачивает огромный внедорожник. Шины шуршат по гравию, и этот звук царапает нервы.

— Ты даже не удивлён, — слова вылетают прежде, чем я успеваю прикусить язык. Мой защитный механизм, сарказм, срывает на опережение.

Дамиан кладёт руку на руль. Широкая ладонь, длинные пальцы, уверенно сжимающие кожу оплётки. Я помню эти руки на своём теле. Помню, как они могут быть нежными, и знаю, какую силу они скрывают.

— Я знал, куда ты пойдёшь, Ада, — его голос ровный, глубокий, вибрирует где-то в груди, заполняя собой всё про-

странство машины. — Здесь одна дорога. И ты слишком рациональна, чтобы умирать в лесу от гипотермии.

Воздуха не хватает, будто весь кислород из салона высосали. Он просчитал меня. Знал каждый мой шаг. Этот человек читает меня, словно я книга, а он давно выучил текст наизусть.

От этого знания по груди расползается липкий ужас.

Смотрю на свои ноги. Грязные, в ссадинах, с налипшими комьями земли и хвои. Боль начинает пробиваться сквозь шок. Ступни горят огнём. Кровь пачкает дорогой коврик его машины.

— Испорчу тебе салон, — бросаю зло, пытаюсь вызвать хоть какую-то реакцию.

— Плевать на салон.

Мы подъезжаем к коттеджу. В свете фар дом выглядит как крепость. Чёрные окна смотрят на меня осуждающе. «Мы же говорили, глупая. Отсюда нет выхода».

Машина останавливается. Дамиан глушит мотор, и тишина в салоне становится давящей. Он поворачивается ко мне. В темноте я не вижу выражения его глаз, но чувствую его взгляд кожей. Он скользит по моему лицу, по шее, задерживается на груди, вздымающейся под его футболкой, и опускается к моим израненным ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.